

12+ Елена Черняева

истории

взаимного

исцеления

Лекарство
от
пугливости

Елена Черняева

**Лекарство от пустоты.
Истории взаимного исцеления**

«Издательские решения»

Черняева Е.

Лекарство от пустоты. Истории взаимного исцеления /
Е. Черняева — «Издательские решения»,

Иногда настоящее спасение приходит в самом неожиданном обличье. Например, в виде веселой черной собачки с огромными ушами и одного — единственного, полного недоверия глаза, в котором читается целая жизнь страданий. Эта книга — признание. В том, что мы, кажущиеся такими сильными и независимыми, сами можем потеряться в мире. И что найти нас обратно способны лишь те, кого мы позвали за собой. Это история о двух собаках, спасенных с улицы. Но прежде всего — о душе врача, которую они спасли в ответ.

Содержание

История первая. Масяня	6
Решение, которое изменило все	6
Импульс в серых буднях	8
Почему Масяня?	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Лекарство от пустоты Истории взаимного исцеления

Елена Черняева

Иллюстратор Надежда Сидорова

© Елена Черняева, 2026

© Надежда Сидорова, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0070-2841-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

История первая. Масяня

Решение, которое изменило все

До того дня у меня никогда по-настоящему не было собаки. Ну как не было? Была у бабушки во дворе, была у родителей в частном доме — но она вечно сидела на цепи, громко лаяла на всех подряд и никогда не была дружелюбной. Хотя, возможно, и была — просто мне, ребенку, так не казалось. Вот кошки — другое дело! Мягкие, пушистые, их в любой момент можно взять на руки и приласкать. Хотя наша собственная кошка была породистым недоразумением, чья нежность была строго регламентирована: не более десяти минут на тисканье, и в лучшем случае разрешалось посидеть с ней на краешке кровати.

А потом в моей жизни наступил период, когда работать пришлось очень и очень много. Я — врач отделения реанимации для новорожденных. В тот год график состоял из суточных дежурств. И этот период затянулся надолго: пять месяцев подряд сутки через сутки. Еще та веселуха была. Приходя домой утром, я заставала пустую квартиру: сын уже в садике, муж на работе. Я ложилась спать, но сон не шел. В тишине, нарушаемой лишь равнодушным мурлыканьем кошки, меня накрывало чувство острого, почти физического одиночества. И вот тогда, в этой тишине и усталости, у меня впервые зародилась мысль о собаке.

Не знаю почему, но представление о ней было, как я сейчас понимаю, совсем утопическим. Я рисовала в голове идиллическую картинку: я возвращаюсь после смены, а она, скуля от радости, встречает меня у двери. Мы идем в спальню, нежмся вместе в постели и засыпаем, согревая друг друга. Да, именно такое, сладкое и немного наивное, было у меня тогда представление. С каждым днем эта мысль крепла, превращаясь из мечты в насущную необходимость — словно лекарство от пустоты, которую я не могла ничем заполнить.

Потом у нас начался отпуск. В гостях мы увидели небольшую собачку, взятую из приюта. Она была невероятно милой и ходила за хозяйкой буквально хвостиком, излучая преданность и покой. Именно в тот день мысль о «своей» собаке поселилась во мне окончательно. Я стала думать о ней каждый день.

Как-то раз я, будто невзначай, закинула мужу удочку: «А что, если?..» Он пожал плечами: «Почему бы и нет?» Его условие было лишь одно — только не породистую. А для меня это и не имело значения. В тот момент я чувствовала себя точь-в-точь как Малыш из мультфильма, твердящий: «У меня нет даже собаки...»

После того разговора мы решили: наша собака будет из приюта. Муж настаивал именно на этом варианте. «За таких не платят бешеных денег, — говорил он. — Да и генетический отбор у дворняг куда крепче, они выносливее». В подтверждение своих слов он приводил пример друга, чья породистая кроха, неудачно спрыгнув с лестницы, сломала лапку. В общем, семейное согласие было получено. Мы приняли решение.

С того момента я начала свой внимательный поиск. Листала сайты приютов, вглядывалась в сотни глаз, стараясь найти ту самую родственную душу. Искала собаку небольшого размера и, по совету знающих людей, предпочтительно черного окраса, сказали, что «они умнее». Через четыре месяца я уже присмотрела одну милашку. Отпраздновав Новый год, мы все чаще обсуждали будущее пополнение, показывали сыну фотографии, готовили его. Он вроде бы и радовался, но как-то отстраненно — видимо, уже тогда почувал угрозу своему безраздельному вниманию. Мы же жили в сладком предвкушении, хотя дату встречи еще не назначили.

И вот, как сейчас помню, было 9 января. Сын весь день пролежал с высокой температурой, а накануне мы как раз обсуждали, когда же все-таки привезти собаку домой. Мы были готовы принять ее сразу, со всеми вытекающими трудностями. В семь вечера температура,

наконец, спала. Сын, бледный, но с уже прояснившимся взглядом, прямо как в том самом мультике, выпалил:

— Мама, а где же собака?

Это было незабываемое мгновение. Мы с мужем удивленно переглянулись. «Вроде как поздно уже...» — робко проямлила я. Но в душе у меня пело и ликовало: вот оно! Сейчас свершится то самое невообразимое. Первый шаг моего «рецепта» был наконец-то принят.

Импульс в серых буднях

В тот же вечер, на волне этого детского вопроса, я набрала волонтера из приюта, где присмотрела собаку. Спросила, можно ли приехать сейчас. «Можно», — был ответ. (Приют — громко сказано. Пара слов для понимания: содержание бездомных животных — титанический труд. Волонтеры вылавливают их с улиц, стерилизуют, лечат и селят по частным домам — передержкам, обеспечивая едой и кровом. Наша будущая собака ждала нас в одном из таких домов, который, к счастью, оказался почти в нашем районе.)

Был январь, стояли лютые, под сорок градусов, морозы. Темнело рано. Решение созрело мгновенно, как будто мы боялись, что этот спасительный импульс остынет. Мы вызвали такси, прихватив на всякий случай плед, и предупредили хозяйку о визите. Хотя ехали за конкретной собакой, в душе я допускала, что посмотрим и другие варианты.

Такси высадило нас в полной темноте. Не горело ни одного фонаря. Со всех сторон, будто из самой черной толщи ночи, неся оглушительный, единый собачий лай — как на гигантской псарне. Стало жутковато: казалось, вот-вот из-за каждого забора хлынут темные стаи. Мы прождали на морозе, похоже, целую вечность. Наконец хлопнула дверь, во дворе вспыхнул свет, и калитка отворилась. В проеме возник мужчина с чем-то черным в руках. «Вот, возьмите», — бросил он, протягивая сверток моему мужу, который стоял ближе. И тут же скрылся, захлопнув дверь.

Мы несколько секунд находились в ступоре, не понимая, что именно нам передали. Осознание пришло ко мне первым: это была собака. Маленькая, теплая, безмолвная. Мороз щипал кожу. Я лихорадочно развернула плед и закутала в него живой комочек. Запустив руки в варежки, я нащупала монетку — ту самую, которую, по примете, нужно отдать за животное, чтобы оно прижилось. Не отдала! На секунду я расстроилась, но ледяной ветер и вой отовсюду вернули меня в реальность. Надо было вызывать такси. А в руках у мужа, обернутое в плед, колотилось от страха и холода что-то маленькое и черное.

Машина ехала долго. Нас распирало от любопытства и желания скорее уехать с этого пугающего места. Сверток в руках не шевелился. Наконец, усевшись в салон, муж начал его распаковывать. Из складок пледа появилась мордочка. Черный нос заерзал, затем — две блестящие пуговки — глазки. Взгляд был умный, как у маленькой обезьянки. Она посмотрела на меня, на мужа и положила ему голову на плечо. В ее глазах читалось одно: «Наконец-то». Мы обменялись с мужем пораженными взглядами: эта дамочка вела себя так, будто всю жизнь ездила в такси именно так — на руках у нового хозяина.

Дома мы выпустили ее из пледа и начали разглядывать. Это был неопознанный зверь — по-другому не скажешь. Короткошерстная, угольно-черная, на невероятно тонких и длинных, словно у лани, ногах (ростом мне по колено). Хвост висел жалкой веревкой — позже я узнала, что так бывает у обессиленных, истощенных собак. Но морда. Морда была шедевром! Ядерная смесь таксы со шнауцером: черные бусинки- глаза, над которыми двигались выразительные бровки, торчащая бородка и висячие уши размером с чебурашкины. И у этого недоразумения было столько радости! Она запрыгала по квартире, как козлик, а мы, глядя на нее, хохотали до слез. Такой чистый, неконтролируемый смех не звучал в наших стенах уже давно — верное лекарство от накопленной усталости.

Веселье длилось, пока мы не спохватились: у нас нет для нее ничего — ни миски, ни поводка. Муж срочно отправился в еще открытый магазин. А наше новое чудо носилось по коридору, радостно скача вокруг меня, пока я раздевалась и проверяла температуру у сына. Когда я пошла в спальню, она ринулась следом. Надо было видеть ее изумление: оказывается, в этом новом мире есть еще комнаты! Она влетела, с разбегу запрыгнула на кровать, проехала юзом до подушек и начала кататься на спине, издавая счастливое поскуливание. Столько бью-

щей через край радости я не видела никогда. И вела она себя так, будто спала на этой постели ежедневно — как в моей давней мечте.

Когда первый восторг немного улегся, я поняла: эту счастливую дамочку надо срочно купать. Ее шерсть неприятно пахла сигаретами и была липкой на ощупь. Учитывая ее любовь к нашей кровати, медлить было нельзя. Купание она перенесла с философским спокойствием, словно говоря: «Делайте что угодно, только оставьте меня здесь». Пока я суетилась по дому, начала обнаруживать «сюрпризы»: лужу в одной комнате, кучку — в другой. С тряпкой в руках и легким ужасом от мысли о предстоящем приучении к улице, я металась по квартире. Вернулся муж с целым арсеналом: миски, ошейник, рулетка, корм. Пока мы все это разглядывали и примеряли, сын, наблюдавший за суетой с обиженным видом, заявил: «Вы собаке уделяете больше внимания, чем мне!» Мы дружно рассмеялись — в этом смехе было облегчение и какая-то новая, шумная, живая гармония.

День клонился к завершению. Пора было спать. Маленький черный хвостик неотступно следовал за нами по пятам. Мы выключили свет, и она, выждав в темноте момент, аккуратно запрыгнула на кровать, легла в ноги, свернулась теплым комочком и тихо засопела.

Мы с мужем лежали в темноте, переваривая события этого невероятного дня. В комнате, которая еще утром был просто местом для сна после смен, теперь тихо посапывало живое, теплое существо. Моя — наша! — собака. У которой еще даже не было имени. Но уже был дом. А у меня — первый, самый главный ингредиент моего рецепта против выгорания: живой, дышащий, виляющий хвостом импульс, который ворвался в серые будни и вмиг их раскрасил.

Почему Масяня?

На следующее утро мы в полной мере осознали: у нашей собаки нет имени. Вернее, у нас для нее его не было. В голове крутились варианты, и все они сводились к созвучным «Жуля», «Джюлька». «Жуля» нравилось больше всего, но меня смущала его скрытая семантика: не от слова ли «жулик»? А ведь как корабль назовешь... Мы решили пока остановиться на нем, но держать ухо востро — вдруг что-то лучшее само найдется.

Не тут-то было. Как раз в этот момент позвонила куратор собаки. Она хотела узнать, как дела, и несколько раз повторила: «Если что-то не получится, не выкидывайте собаку на улицу, а верните обратно». Для меня это прозвучало как нечто неожиданное. Во-первых, мыслей таких и в помине не было. Во-вторых, мы были полны решимости и уже влюблены в это черное существо, скачущее по квартире. Как выяснилось из неловкого разговора, ее уже пытались пристроить, но там в одиночестве она «хулиганила» — и ее вернули. В конце разговора куратор небрежно бросила: «Ну ладно, может, у вас Ксюша и приживется». Ксюша. У меня перехватило дыхание. Какая Ксюша? «А вам разве не сказали? — удивилась куратор. — У нее есть имя». — «Нет, — прошептала я. — Не сказали».

Положив трубку, я не могла передать словами свое состояние. Это было не просто разочарование — это была личная драма. Я столько месяцев мечтала о своей собаке, рисовала в голове не только ее образ, но и ее имя — первое слово, с которого начнется наша общая история. А оказалось, что у нее уже есть чужая биография и чужое имя. Муж пытался меня успокоить. Я же смотрела на это недоразумение, которое радостно носилось по комнате, и не могла поверить: ее зовут Ксюша. В надежде на ошибку я тихо позвала: «Ксюша?» Она тут же повернула ко мне морду, уши торчком, взгляд вопрошающий: «Я здесь!»

Такого поворота я не ожидала. Несколько дней я ходила подавленная. Имя «Ксюша» казалось мне чужим, неуместным, плоским. Оно не отражало ни ее сумасшедшей внешности, ни ее трогательной, готовой на все души. Оно было как диагноз из прошлой жизни, который нам предстояло сменить на рецепт счастливого будущего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.